

ПОЭТИКА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА

Смирнова Н. Н.
Москва, Россия
ORCID ID: 0000-0001-6980-7353
E-mail: nnsmirnova@mail.ru

УДК 821.161.1-94
DOI 10.26170/FK19-03-16
ББК Ш33(2Рос=Рус)52-449
ГСНТИ 17.07.29
Код ВАК 10.01.08

М.О. ГЕРШЕНЗОН ОБ «ИММАНЕНТНОЙ ФИЛОСОФИИ» И «ТЕРМОДИНАМИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ» ПУШКИНА. МЕТАФОРА И НЕМЕТАФОРИЧЕСКИЙ СМЫСЛ

Аннотация. Статья посвящена прочтению М.О. Гершензоном «имманентной философии» и «термодинамической психологии» в творчестве Пушкина.

М.О. Гершензон развивал свою теорию поэзии, основываясь на изучении пушкинского поэтического языка. В нем он нашел целостный теоретический взгляд на огненную природу бытия, взгляд, соизмеримый с древними представлениями о мире. Творчество Пушкина было для Гершензона откровением, из которого, как он полагал, следует черпать знание для новой преображенной жизни. Ученый сформулировал пушкинскую «имманентную философию», развивая концепцию «тайнодействия слова». В этом он основывался на размышлениях самого поэта о границах литературной условности, о том, может ли подлинное поэтическое слово существовать за пределами метафорических смыслов. «Термодинамическая психология» Пушкина должна иметь практический жизненный смысл, иначе истина неполна, – таков вывод ученого, сделанный в книге «Мудрость Пушкина». А в «Гольфстреме», четырьмя годами позже, Гершензон ставит задачей замкнуть круг знания (древних, поэтического прозрения Пушкина и достижений современных наук о природе).

Такие исследовательские задачи неизбежно сопряжены с переходом общепринятых дисциплинарных границ и с изменением языка описания. Метафорические значения в работах Гершензона граничат с терминологическими, – так в исследовательской практике реализуется попытка представить в языке науки синтетическое знание как модель древнего синкретизма. В этом едином знании, по мысли ученого, должны быть объединены достижения современных наук о материи, наук о духе и знания первобытного человека, воплотившегося в мифологии, а впоследствии оставшегося в виде следов во всех естественных языках. С этой точки зрения, задача филолога – оживить мифологическое знание, окаменевшее в слове, и тем самым приобщиться к важнейшей части сокровищницы тысячелетий. Поэтическое слово Пушкина было избрано ученым для осуществления этого как наиболее емко воплотившая в себе живые корни мифа.

Ключевые слова: теория литературы; имманентная философия; термодинамическая психология; метафоры; неметафорический смысл; русская поэзия; русские поэты; поэтическое творчество; поэтический язык; публицисты.

Smirnova N. N.
Moscow, Russia

M. O. GERSHENZON ON PUSHKIN'S "IMMANENT PHILOSOPHY" AND "THERMODYNAMIC PSYCHOLOGY". METAPHOR AND NON-METAPHORICAL MEANING

Abstract. The article is devoted to the interpretation of Pushkin's "immanent philosophy" and "thermodynamic psychology" by M. O. Gershenzon. M. O. Gershenzon developed his theory of poetry, based on the study of Pushkin's poetic language. He found a holistic theoretical view of the fiery nature of being, a view commensurate with ancient ideas about the world. Pushkin's poetry was a revelation for Gershenzon, from which, he believed, one should draw knowledge for the new world of transfiguration. Developing the concept of the "mystery of the word", Gershenzon found out Pushkin's "immanent philosophy". He based his assumptions on the Pushkin's reflections on the limits of literary convention, on whether a true poetic word can exist outside of metaphorical meanings. In the book "The Wisdom of Pushkin" (1919) Gershenzon concluded that Pushkin's "thermodynamic psychology" must have a practical life meaning, otherwise truth is incomplete. And in "Gulfstream" (1922), four years later, Gershenzon sets the task to close the circle of knowledge (ancient, Pushkin's poetic insight and the achievements of modern sciences).

Such research tasks inevitably involve a transition of generally accepted disciplinary boundaries, and a change in the language of description. Metaphorical meanings in the works of Gershenzon close to terminological ones; that is the attempt to present synthetic knowledge in the language of science as a model of ancient syncretism. According to Gershenzon, in this holistic knowledge should be combined the achievements of the modern sciences and humanities and the knowledge of primitive mankind, embodied in mythology, and subsequently remaining as traces in all natural languages. From this point of view, the philologist's task is to revive the mythological knowledge, petrified in the word, and thereby join the most important part of the humankind. Pushkin's poetic word was chosen by Gershenzon as the most important part of humankind heritage that contains roots of the myth.

Keywords: theory of literature; immanent philosophy; thermodynamic psychology; metaphors; non-metaphorical meaning; Russian poetry; Russian poets; poetry poetic language; publicists.

Для цитирования: Смирнова, Н. Н. М.О. Гершензон об «имманентной философии» и «термодинамической психологии» Пушкина. Метафора и неметафорический смысл / Н. Н. Смирнова // Филологический класс. – 2019. – № 3 (57). – С. 114–119. DOI 10.26170/FK19-03-16.

For citation: Smirnova, N. N. M.O. Gershenzon on Pushkin's "Immanent Philosophy" and "Thermodynamic Psychology". Metaphor and Non-Metaphorical Meaning / N. N. Smirnova // Philological Class. – 2019. – № 3 (57). – P. 114–119. DOI 10.26170/FK19-03-16.

Творчество Пушкина было для М. О. Гершензона откровением, из которого он черпал знание для новой преображенной жизни. У каждого человека, считал ученый, есть свой образ совершенства, к которому он стремится на протяжении целой жизни. Но поэты, философы, художники зорче других людей видят картины будущего преображенного мира и рисуют их в своих творениях. Миссия ученого-гуманитария – раскрыть смысл этих картин, составить карту будущего совершенного мира.

Здесь сразу возникает сложная задача – описать стиль исследователя, использующего в своих трудах метафору, в то же самое время обладающую и прямым неметафорическим смыслом. Центральная идея Гершензона, прошедшая сквозь все его пушкиноведческие работы, – идея о стремлении каждого человека к образу совершенства и преображенному миру, часто характеризовалась как мифотворческая [Проскурина 1998; Горовиц 2004]¹. Но все же стоит взглянуть на стиль пушкиноведческих штудий Гершензона сообразно тем критериям, которые он сам выдвигал как основные для гуманитарного познания: позиция исследующего должна быть *соприродна* изучаемому, и научный язык должен быть внятным переводом с метафоры на метафору (если использовать в более узком значении мысль А. А. Потебни)².

М. О. Гершензон развивал свою теорию поэзии, основываясь на изучении пушкинского поэтического языка. В нем он нашел целостный теоретический взгляд на огненную природу бытия, взгляд, соизмеримый с древними представлениями о мире. Ученый сформулировал пушкинскую «имманентную философию», видя в пушкинских поэтических образах мудрость тысячелетий, живые, неподвластные времени смыслы, метафоры, не подверженные стиранию, но сохранившие в себе живые корни изначального мифа.

Сам Гершензон выражал суть своего исследовательского подхода следующим образом: «Я формулирую имманентную философию Пушкина, и мое изложение так же относится к его поэзии, как географическая карта – к самой стране, как линейный план – к зданию, как механическая формула – к самой машине» [Гершензон 2000, I: 31]. При этом Гершензон неоднократно подчеркивал: интуиции философа и поэта «в существе своем <...> тождественны» [Гершензон 2000, IV: 316].

Познание в мире и познание в искусстве, по мысли Гершензона, осуществляется аналогичными способами: по мере продвижения все более и более освещаются скрытые пока части единого образа. При этом образ в мире не задан, но сам находится в процессе осуществления, миротворчества. Поэтому, «исследуя

частности, погружаясь в факты, мы никогда не должны забывать, что в последнем итоге наша работа должна служить раскрытию художественной интуиции и развития художественных форм, подобно тому как, проводя радиус на глаз, стараешься возможно точнее выдержать прямизну линии, но также ни на минуту не забываешь, что она должна вести к центру» [Гершензон 2000, IV: 323].

В изучении поэтического языка Пушкина Гершензон видел перспективу исследования большого времени человечества, пересекаемого нескончаемыми потоками «гольфстремов духа». Пушкинские образные доминанты ученый прослеживает в глубь веков и тысячелетий, находя в них сущностное «первобытное знание», «весь существенный опыт человечества», к которому современный человек совсем ничего не может прибавить. Книга «Гольфстрем» (1922) посвящена значениям первоэлементов мироздания («воздух», «вода», «огонь», «земля»), как состояний духа по преимуществу, во фрагментах Гераклита и поэзии Пушкина. В центре внимания ученого – огненная стихия духа, наследуемая Пушкиным от древних, в частности, Гераклита³. При этом Гершензон везде подчеркивает, что исследует не тему огня, не метафору, не образ, а физическое состояние, как его понимал Пушкин, обусловившее мирозерцание поэта.

Современный ученый-гуманитарий не всегда отдает себе отчет в таких, например, словоупотреблениях, как «кристально-чистый», «выкристаллизованный стиль», не подразумевающих при этом, конечно, никаких действительно физико-химических процессов. Между тем, для Гершензона присутствие естественнонаучного знания (и, следовательно, терминологии) в мышлении представителя гуманитарных наук означало подлинную цель исследовательской работы, а именно: соединение результатов в сферах наук о природе и науки о духе в единое поле. Описание этого процесса содержится в Эпilogue книги «Гольфстрем»: «...В наши дни концы сближаются: что древний человек постиг целостным созерцанием, то явственно сквозит в современной термодинамике, в теории относительности, в гипотезах об эфире, в учении об атоме; сквозит догадка, что бытие не имеет никакого материального субстрата, что сущность бытия – движение, которое в виде теплоты созидает все формы познаваемого нами мира. <...> Тем временем наука о духе вступила на встречный путь наукам о материи. Физиологическая и экспериментальная психология сблизилась оба мира <...>; все поиски направлены к отождествлению психической энергии с механической, и по мере того, как последняя разрешается в чистую, невещественную динамику <...>, придется признать то самое *движение, полное разумности*, которое признавала источником и сущностью вещей древнейшая человеческая религия, – *Огонь*, он же *Логос* Гераклита» [Гершензон 2000, I: 303].

В статье «Пушкин и Батюшков» (1924) Гершензон подводит итог своих разысканий, занимающих центральное место в книге «Гольфстрем»: «В „Гольфстре-

¹ А также была осмыслена в контексте «онтологии поэтических систем», см.: [Зырянов 2007: 121–122].

² «Если под метафоричностью языка разуметь то его свойство, по которому всякое последующее значение (resp. слово) может создаться не иначе, как при помощи отличного от него предшествующего, в силу чего из ограниченного числа относительно элементарных слов может создаться бесконечное множество производных, то метафоричность есть всегдашнее свойство языка и переводить мы можем только с метафоры на метафору» [Потебня 1989: 261]. Вопрос о мифологизации творчества Пушкина (знаменитом Пушкинском мифе Серебряного века) как будто бы уже напрашивается по аналогии, если заглянуть в продолжение данной цитаты. Но об этом немного позже.

³ В своем освещении философии Гераклита Гершензон опирался на: [Diels 1909]. См. также новейшую интерпретацию фрагментов Гераклита: [Гераклит 2014].

ме“ я обнаружил у Пушкина наличие своеобразной теории, по которой жизнь есть горение, душа – огонь, горящий то сильнее, то слабее; отсюда вся психологическая терминология Пушкина. <...> Стоит на любой странице раскрыть стихотворения Батюшкова – перед нами та же термодинамическая психология во всех подробностях; все ее основные речения Пушкин готовыми нашел у Батюшкова» [Гершензон 2000, I: 121]. Однако в творчестве Пушкина исследователь видит «полную и подробную разработанную систему психологических воззрений, основанную на представлении о термической природе души. Что здесь перед нами действительно система, органическое выражение личности в своеобразном цикле идей, – в этом нас убеждают единство и непрерывная последовательность Пушкинской терминологии, ее глубокая подсознательная продуманность <...>. У Батюшкова такой системы явно нет; в его поэзии – лишь многочисленные зародыши ее, воспринятые из языка и оформленные, как бы отдельные камни, отесанные поэтом» [Гершензон 2000, I: 127].

«Сердца тихий жар», «огонь поэзии», «любовь еще горит во пламенных мечтах» [Гершензон 2000, I: 122–123], «кипяща брань», «о, други, как сердце у смелых кипело» [Гершензон 2000, I: 124], – все это у Батюшкова присутствует отчасти на уровне предшествующей поэтической традиции, отчасти – на уровне народного языка, но главное, что в поэтическом видении Батюшкова нет той системности, сформировавшейся, *выкристаллизовавшейся* впоследствии у Пушкина. (Гершензон подчеркивает, что исследует поэзию по «гнездовому» принципу¹.)

Аналогичные наблюдения Гершензон делает и относительно другого семантического гнезда, связанного со словом «забвение»: «Оказывается, что термин „забвение“, именно в этом необычном смысле, употреблял уже Батюшков, притом с тем же знаком превосходства; уже он говорит: „в сладостном забвеньи“ (Мечта), но «у Пушкина здесь опять глубоко обдуманная и детально разработанная, последовательно проводимая на протяжении многих лет, в нем самом из личного опыта расцветшая мысль о самозаконной, адекватной жизни духа в противоположность его рабским состояниям наяву» [Гершензон 2000, I: 129]. То же соотношение находит Гершензон и в семантическом гнезде «тьень – призрак».

Знание, которое предстает в неполном и еще «бессистемном» виде у Батюшкова, Гершензон обнаруживает в абсолютно оформленном и завершенном у Пушкина. Но оно не является личным знанием поэта, индивидуальной творческой особенностью. Еще на рубеже 1900-х – 1910-х годов Гершензон исходил из исторических аспектов психологии личности творца. Свидетельства этому находятся в записной книжке, где ученый намечает небольшой проспект для своих пушкиноведческих исследований: «Пушкин первый у нас поэт все время говоривший о себе. В этом смыс-

ле он – человек 19 века. Но это в общем; а в частности в деталях, он – не индивидуален, т. е. человек 18 в. и дает все объективно, не индивидуально» [НИОР РГБ, ф. 746, к. 13, ед. хр. 24, л. 16]. «Объективизм» этот означает, в частности, что Пушкин воспринимает *непосредственно* (как и Гераклит) «из воздуха» первобытное знание о физической обусловленности состояний духа, составляющее «термодинамическую», «космическую» или собственно *метафизическую* систему воззрений человечества. Отсюда и столь необычное в литературоведческом контексте словоупотребление – «*терминология*», «*система*» Пушкина – апеллирует к «космическому» знанию как всеобщему закону.

По мысли Гершензона, суть познания (и поэзии как познания) – в выяснении соответствий между видимой и невидимой частями мира, между, с другой стороны, его живой и неживой составляющими. Все в мире взаимосвязано и обладает личностным существованием. Задача ученого – постигать эти соответствия дискурсивно-логическим путем, поэта – интуитивным. При этом поэтический образ имеет отчетливую символическую, а не метафорическую функцию: указывая на элементы мира видимого, доступного познанию, он одновременно развернут в сторону наименее освещенной части мира, которую способен прозревать лишь поэт, художник. При этом поэтическое познание обнаруживает сущностное сходство с познанием естественнонаучных законов: «„При сгущении раствора он сначала делается пресыщенным и иногда может очень долгое время сохраняться в таком виде, особенно если приложить заботу к сохранению его в спокойном состоянии и к чистоте окружающего воздуха“; такова поэзия Батюшкова. „Прикосновение ничтожных следов твердого вещества, которое может выпасть из раствора, вызывает энергичный процесс такого выпадения в виде кристаллов“; такая кристаллизация – поэзия Пушкина» [Гершензон 2000, I: 131]. Это – не просто произвольная аналогия, а система мысли. Такова внутренняя динамика интуиции, видения, где задействованы два наиболее значимых элемента метафизики Гершензона: внедрение и восприятие. Жидкость символизирует душевный процесс и, одновременно, «образ речи как изливаемого наружу чувства» [Гершензон 2000, I: 288]; сгущение раствора – процесс восприятия мирового, космического, метафизического знания; кристаллизация – творческое воплощение этого знания в предельном своем выражении (внедрение) и переход на новый уровень знания о мире (восприятие на новом уровне).

Восприятие не может состояться, если воспринимаемое совершенно чуждо личности. Это относится абсолютно к любому аспекту восприятия, будь то материального или духовного. «Каждая книга на каждого из нас влияет тем сильнее, – сообщает Гершензон в письме к брату по прочтении книги Т. Карлейля „Герои и героическое в истории“, – чем больше опорных точек она находит в запасе наших собственных мыслей. Всыпь кислоту в стакан с водой; потом сыпь сверху муку, соль или какой-нибудь другой порошок – он не произведет никакого действия; но сыпь соду – и ты получишь шипучий напиток. Неслышанно и странно, но эта книга была для меня откровением; не все, но важнейшие вопросы, мучившие меня особенно,

¹ «Гнезда» «Пушкинского мышления и словоупотребления» формируются «образами-посредниками» (по терминологии А. Бергсона), такими, например, как «огонь», «кипение»; «забвенье», «сон души»; «тьень», «призраки» и пр. См.: [Гершензон 2000, I: 129–130].

в последнее время, она разрешила, она была содою для кислоты» [Гершензон 2000, IV: 397]. Таким образом, всякий процесс обладает «самозаконностью» в общей картине событий. Законы термодинамики и химических процессов – не метафоры в исследовании учено-гуманитария, а его действительные принципы, так как сфера научного и духовного опыта оказывается единой: «что древний человек постиг целостным созерцанием», то Гершензон видит в достижениях современной ему физики, «что сущность бытия – движение, которое в виде теплоты созидает все формы познаваемого нами мира» [Гершензон 2000, I: 303]. Это, как уже отмечалось, – итог книги «Гольфстрем», итог размышлений над принципами движения мировых энергий и возможностями наиболее точного их понимания (в этом метафизический смысл поэзии как познания: раскрытие законов одухотворенной материи в мире).

По мысли Гершензона, поэзия Пушкина содержит в кристальной чистоте «народную метафизику» [Гершензон 2000, I: 289], древнее знание, бессознательно отразившееся почти во всех мировых языках, видение, раскрыть которое, вывести в область сознания – задача ученого.

Если обратиться к главному, что видел Гершензон в пушкинском творчестве – огненной стихии, которой была посвящена книга «Гольфстрем», то надо сказать, что это знание, полученное из поэтического слова, представлялось ученым непосредственно для практических целей жизни¹. Так, в «Мудрости Пушкина» (1919) читаем: «Его (Пушкина. – Н. С.) открытие совершенно формально и потому недостаточно. Он поведал нам, что дух есть чистая динамика, огненный вихрь, что его нормальное состояние – раскаленность, а угасание – немощь. Показание безмерно важное, основное! Но ведь одним знанием не проживешь. Пушкин безотчетно упростил задачу, оградив человека со всех сторон фатализмом: жизнь безысходна, но зато и безответственна; перед властью стихии равно беспомощны и зверь и человек. Человек в глазах Пушкина – лишь аккумулятор и орган стихии, более или менее емкий и послушный, но личности Пушкин не знает и не видит ее самозаконной воли. Его постигла участь столь многих гениев, ослепленных *неполной истиной*: подобно Пифагору, признавшему число самой сущностью бытия, Пушкин переоценил свое гениальное открытие. Оттого Пушкина непременно надо знать, но по Пушкину нельзя жить. Пламенем говорят все поэты, но о разном...» (выделено мной. – Н. С.) [Гершензон 2000, I: 37]. «Термодинамическая психология» Пушкина должна иметь практический жизненный смысл, иначе истина неполна, – таков вывод ученого, сделанный в книге «Мудрость Пушкина». А в «Гольфстреме», четыре года спустя, Гершензон ставит задачей замкнуть круг знания (древних, поэтического прозрения Пушкина и достижений современных наук о природе). Именно поэтому неправильно ставить знак равенства между метафизической системой, показанной Гер-

шензоном в «Мудрости Пушкина», и его собственной («Гольфстрем», «Ключ веры», «Тройственный образ совершенства»). Если, например, сравнить в этом отношении книги «Мудрость Пушкина» и «Гольфстрем», то станет очевидным, что целью первой было – извлечь ту относительную («неполную») истину, которая, по мнению Гершензона, проходит сквозь все творчество поэта; целью второй – пойти далее и проследить эти найденные у Пушкина тенденции, «гольфстремы духа», в глубине веков, с тем, чтобы предвидеть будущие открытия (воплощаемые уже во «встречном движении наук о материи и науки о духе»)².

Собственные усилия Гершензона описать движение «гольфстремов духа» от мысли древних к Пушкину и далее, к достижениям современной физики, показывают стиль мышления, в котором метафора используется в ее не иноказательном смысле. Гершензон говорит не об «образе огня» у Пушкина, а о самом огне как физическом и одновременно «нематериальном субстрате материального мира»³. *Мифотворчество ученого проявилось не в том, что он как будто бы приписал Пушкину свои взгляды, а именно в особенном научном языке, в котором метафоричность утрачивает принятую риторическую иноказательность*. Здесь следует вновь обратиться к приведенной в начале данной статьи мысли Потебни. «...Метафоричность есть единственный, первоначальный способ, доступный языку», способ выражения идей, который изначально органически включен в мифологическое мышление. И, таким образом, «создание мифа не есть принадлежность одного какого-либо времени. Миф состоит в перенесении индивидуальных черт образа, долженствующего объяснить явление (или ряд явлений), в самое явление» [Потебня 1989: 263]⁴. И хотя Гершензон делает особый акцент на дистанции между «географической картой» и «самой страной»⁵ в своей формулировке «имманентной философии» Пушкина, тем не менее, он настаивает на вовсе не от-

² Именно это развитие и преемственность в работах Гершензона-пушкиниста часто упускается исследователями из виду, когда они рассуждают, в частности, о гностических корнях его пушкиноведческих штудий [Проскурина 1998]. Следует отметить, что описанный Гершензоном пушкинский фатализм в отношении греховности человеческой природы (в котором обычно находят гностические корни) можно принять за собственный автора «Мудрости Пушкина» фатализм, только ввиду слишком близкой исследовательской дистанции.

³ Чем неоднократно вызывал непримиримые полемические выступления пушкинистов. В пушкинских огненных образах они видели подверженную стиранию метафору: «В любом произведении есть масса словесного «упаковочного материала», по выражению Л. В. Щербы. Фраза требует своего словесного наполнения, некоторой интонационной закругленности. Слова, достаточные для смысла, недостаточны бывают для фразовой завершенности. Являются „безразличными“ слова – постоянные эпитеты, стертые метафоры и т. п. Эти упаковочные слова не осмысляются при чтении нормальном. Чтение медленное выдвигает упаковочный материал на первый план и заставляет его – хочешь не хочешь – так или иначе осмыслять. Получается переоценка слов, перегрузка значений» (выделено мной – Н. С.) [Томашевский 1990: 68]. Говоря об «упаковочном материале», Томашевский имеет в виду мысль Л. В. Щербы, неоднократно высказывавшуюся им, правда, главным образом, в отношении служебных и вспомогательных лексических средств. Ср., например: «Во всяком произведении много безразличного материала (который я назвал когда-то «упаковочным»), который, конечно, никогда не входит в индивидуальную систему (стиль) писателя» [Щерба 1957: 58].

⁴ См. также: [Топорков 1997].

⁵ Цитировавшееся выше высказывание: «...мое изложение так же относится к его (Пушкина. – Н. С.) поэзии, как географическая карта – к самой стране» [Гершензон 2000, I: 31].

¹ Впрочем, надо понимать, что в этом случае для Гершензона сама поэзия и практическая жизнь совмещались в фокусе первобытного синкретизма, представляли собой единство подлинного знания и бытия древнего человека в проекции идеального будущего.

носителем характера изображенного в представленной им интерпретации. Так, в статье «Тень Пушкина» (1923), где исследователь доказывает, что, с одной стороны, «дикарь верит, что душа умершего становится существом особого рода – призраком, что она сохраняет связь со своей бывшей земной обстановкой», а с другой, что «Пушкин действительно разделял с бушменами и фиджийцами их веру в „духов“ умерших людей» [Гершензон 2000, I: 161]. Речь идет в первую очередь о знании, мудрости, и значение понятия «образ» («образ призрака, тени») для Гершензона здесь имеет несколько более широкий контекст, нежели сугубо поэтический. Пушкинские образы умерших (тень Андрея Шенье, тени Овидия, Кутузова, тень Командора, наконец, «мертвецы православные» в «Гробовщике» и т. д.), по мнению Гершензона, «совсем недвусмысленны: в них **нет ни метафорического, ни психологического смысла**; не подлежит ни малейшему сомнению, что он верил в объективное существование призраков» (выделено жирным шрифтом мной. – Н. С.; курсив автора) [Гершензон 2000, I: 172]. Гершензон постоянно подчеркивает *неметафорический* характер пушкинского (и всякого подлинно поэтического) образа. Более того, в этой же подлинности и ценность поэтического опыта для жизни (поэзия как «наставница племен»). Ученый исходил из мысли (противоположной той, что высказывал Б. В. Томашевский, см. прим. 7): поскольку поэтический образ не метафоричен (то есть не иносказателен, по Потебне), то, следовательно, не может стертаться, как, например, часто используемая метафора. «...Поэт не знает мертвых слов... Слово навеки вопло-

тило в себе миф и образ, но они живут в нем скрытой жизнью: поэт, как суженый, горячим поцелуем воскрешает спящую царевну <...>, – а читатель, чуждый вдохновения, не видит совершившегося чуда и в живых словах поэзии читает привычные ему отвлеченные знаки. Вот почему поэзия, некогда наставница племен, сделалась ныне праздным украшением жизни, и потому великие поучения, заключенные в ней, остаются закрытым кладом. И так, чтобы добыть нужную нам часть клада, лежащего в поэзии Пушкина, надо *расколдовать* его слово» (выделено мной. – Н. С.) [Гершензон 2000, I: 220], – таков теоретический посыл в книге «Гольфстрем». Не иносказательный, переносный, а объективный характер поэтического образа (и мысли, с ним неразрывно связанной) – главный предмет изучения в пушкиноведческих работах Гершензона, но также и его собственный инструмент исследования. Вроде бы кажется неудивительным ироническое отношение многих пушкинистов к попыткам «расколдовать» слово поэта¹. Вместе с тем, и сам Пушкин, отвечая на близорукую критику Н. И. Надеждина², задавался вопросом о пугающе зыбких пределах подлинного поэтического слова для обыденного сознания: «В одной из Шекспировых комедий крестьянка Одрей спрашивает: „Что такое поэзия? вещь ли это *настоящая*?“» [Пушкин 1958: 514].

¹ Например: [Щеголев 1920: 57–60; Груздев 1923: 102–104; Скворцов 1922: 147; Рожицын 1928: 5–6].

² Подробнее об этом см.: [Смирнова 2002: 89–97].

ЛИТЕРАТУРА

- Гераклит. Фрагменты трактата «О природе» // Лебедев А. В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым изданием фрагментов). – СПб.: Наука, 2014. – С. 146–255.
- Гершензон М. О. Избранное: в 4 т. – М.; Иерусалим: Университетская книга; Gesharim, 2000.
- Горовиц Б. Михаил Гершензон – пушкинист. Пушкинский миф в Серебряном веке русской литературы / пер. с англ. А. В. Хрусталева. – М.: Минувшее, 2004. – 267 с.
- Груздев И. Блуждающие точки // Город. Литература. Искусство. – Пг.: Академическое издательство. Грффические мастерские, 1923. – Сб. 1. – С. 102–104.
- Зырянов О. В. Онтология поэтических систем (Пушкин – Тютчев – Лермонтов) и христианская картина мира // Электронный научный архив УрФУ [официальный сайт]. – URL: elar.urfu.ru/bitstream/10995/31765/1/evf_2007_09.pdf (дата обращения: 30.05.2019).
- НИОР РГБ (Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки). Ф. 746 (фонд М. О. Гершензона). К. 13. Ед. хр. 24.
- Потебня А. А. Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – 634 с.
- Проскурина В. Ю. Течение Гольфстрема: Михаил Гершензон, его жизнь и миф. – СПб.: Алетейя, 1998. – 512 с.
- Пушкин А. С. В одной из Шекспировых комедий // Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. – Т. VII.
- Рожицын В. Атеизм Пушкина. – М.: Науч. общ-во Атеист, 1928. – 90 с.
- Скворцов Б. Из Пушкинской литературы 1922 г. // Казанский библиофил. Журнал критики и библиографии. – 1923. – № 4. – С. 146–147.
- Смирнова Н. Н. «Гробовщик» А. С. Пушкина и некоторые эпизоды литературно-критической полемики конца 1820-х – начала 1830-го года // Начало. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – Вып. 5. – С. 89–97.
- Томашевский Б. В. Пушкин. Работы разных лет. – М.: Книга, 1990. – 672 с.
- Топорков А. Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века. – М.: Индрик, 1997. – 455 с.
- Щеголев П. Е. «Мудрость Пушкина» // Книга и революция. – 1920. – № 2. – С. 57–60.
- Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. – М.: Учпедгиз, 1957. – 188 с.
- Diels H. Herakleitos von Ephesos. – Berlin, 1909. – 83 s.

REFERENCES

- Diels, H. (1909). *Herakleitos von Ephesos*. Berlin. 83 S.
- Geraklit (2014). *Fragmenty traktata «O prirode»* [Fragments of the Treatise «On Nature»]. In Lebedev, A. V. *Logos Geraklita. Rekonstruktsiya mysli i slova (s novym izdaniem fragmentov)*. St. Petersburg, Nauka, pp. 146–255.
- Gershenson, M. O. (2000). *Izbrannoe: v 4 t.* [Selected Works, in 4 vols.]. Moscow, Jerusalem, Universitetskaya kniga, Gesharim.
- Gorovits, B. (2004). *Mikhail Gershenson – pushkinist. Pushkinskii mif v Serebryanom veke russkoi literatury* [The Myth of A. S. Pushkin in Russia's Silver Age: M. O. Gershenson, Pushkinist] / transl. by A. V. Hrustaleva. Moscow, Minuvshee. 267 p.

- Gruzdev, I. (1923). Bluzhdayushchie tochki [Rambling Dots]. In *Gorod. Literatura. Iskusstvo*. St. Petersburg, Akademicheskoe izdatel'stvo. Grfficheskie masterskie. Issue 1, pp. 102–104.
- NIOR RGB [Research Department of Manuscripts of the Russian State Library]. Stock 746. (M. O. Gershenzon). List 13. Dos. 24.
- Potebnya, A. A. (1989). *Slovo i mif* [The Word and Myth]. Moscow, Izdatel'stvo «Pravda». 634 p.
- Proskurina, V. Yu. (1998). *Techenie Gol'fstrema: Mikhail Gershenzon, ego zhizn' i mif* [Gulfstream Flow: Michael Gershenzon, His Life and Myth]. St. Petersburg, Aleteiya. 512 p.
- Pushkin, A. S. (1958). V odnoi iz Shekspirovykh komedii [In One of Shakespeare's Comedies]. In Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii, in 10 vols*. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Vol. 7.
- Rozhitsyn, V. (1928). *Ateizm Pushkina* [Pushkin's Atheism]. Moscow, Nauchnoe obshchestvo Ateist. 90 p.
- Shchegolev, P. E. (1920). «Mudrost' Pushkina» [On M. Gershenzon's «The Wisdom of Pushkin»]. In *Kniga i revolyutsiya*. No. 2, pp. 57–60.
- Shcherba, L. V. (1957). *Izbrannye raboty po russkomu yazyku* [Selected Works on the Russian Language]. Moscow, Uchpedgiz. 188 p.
- Skvortsov, B. (1923). Iz Pushkinskoi literatury 1922 g. [From the Literature on Pushkin in 1922]. In *Kazanskii bibliofil. Zhurnal kritiki i bibliografii*. No. 4, pp. 146–147.
- Smirnova, N. N. (2002). «Grobovshchik» A. S. Pushkina i nekotorye epizody literaturno-kriticheskoi polemiki kontsa 1820-kh – nachala 1830-go goda [A. S. Pushkin's "The Undertaker" and Episodes of Literary-critical Controversy of the Late 1820s – Early 1830s]. In *Nachalo*. Moscow, IMLI RAN. Issue 5, pp. 89–97.
- Tomashevskii, B. V. (1990). *Pushkin. Raboty raznykh let* [Works on Pushkin]. Moscow, Kniga. 672 p.
- Toporkov, A. L. (1997). *Teoriya mifa v russkoi filologicheskoi nauke XIX veka* [The Theory of Myth in Russian Philology of the 19th Century]. Moscow, Indrik. 455 p.
- Zyryanov, O. V. (2007). Ontologiya poeticheskikh sistem (Pushkin – Tyutchev – Lermontov) i khristianskaya kartina mira [Ontology of Poetic Systems (Pushkin – Tyutchev – Lermontov) and the Christian worldview]. In *Elektronnyi nauchnyi arkhiv UrFU* [official website]. URL: elar.urfu.ru/bitstream/10995/31765/1/evf_2007_09.pdf (mode of access: 30.05.2019).

Данные об авторе

Смирнова Наталья Николаевна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук (Москва).

Адрес: 121069, Россия, Москва, ул. Поварская, 25 а.
E-mail: nnsmirnova@mail.ru.

Author's information

Smirnova Natalia Nikolaevna – Candidate of Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow).